

Куралай

Уразаева

Талия

Арынгазинова

Евразийский национальный университет имени Л. Н. Гумилева

РУССКИЙ ОРИЕНТАЛИЗМ И ПЕРЕВОД КОРАНА В. ПОРОХОВОЙ. СУРА «ЖЕНЩИНЫ»

Русский ориентализм – явление культуры, характеризующееся множеством направлений. Одно из них представлено переводами, переложениями Корана – священной книги всех мусульман, а также подражаниями ему.

Наиболее заметным в истории данной традиции был период литературного толкования Корана, породивший в первой половине XIX века особую романтическую ветвь, восходящую к «Западно-восточному дивану» (1814–1819) И. Гёте, «Подражаниям Корану» (1825) А. С. Пушкина, его романтическим поэмам «Кавказский пленник» (1820–1821) и «Бахчисарайский фонтан» (1821–1823), стихотворениям «Пророк» (1826), «Талисман» (1827), «Тазит» (1829–1830), «Стамбул гяуры нынче славят» (1830). Друзья называли Пушкина «апостолом Мухаммада». Строки поэта: «В пещере тайной, в день гоненья, // Читал я сладостный Коран» (цит. по: Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. Т. 2. С. 423) – стали импульсом к такой оценке Пушкина современниками.

О цикле «Подражания Корану» Ф. М. Достоевский писал: «Разве тут не мусульманин, разве это не самый дух Корана и меч его, простодушная величавость веры и грозная, кровавая сила её?» [1; 36].

Произведения В. А. Жуковского – «К Востоку устремлен мой взор» (1825), М. Ю. Лермонтова – «К престолу вечному Аллы...» (стихотворение, 1825), И. А. Подолинского – «Див и пери» (поэма, 1821), А. Г. Ротчева – «Подражание Корану» (поэтический сборник, 1828) и др., по верному замечанию Ф. Р. Мурадовой, вовлекли в поле зрения русских поэтов и ориенталистов как пушкинские подражания Корану, так и первоисточник, что и дало концентрат пушкинско-коранического «восточного стиля». Этот сплав в русской литературе XIX века послужил началом создания произведений в духе пушкинско-коранического цикла [1; 3].

В эпоху романтизма русской литературы можно наблюдать примеры трансформации Корана. Неслучайно интерес литературоведов привлекли способы интерпретации священной книги всех мусульман в аспекте сложного комплекса идей, жанровых и стилевых канонов, специфики индивидуально-авторских поэтик, источником которых явились разновидности отношений заимствования, подражания, иронического обыгрывания, пародирования и других форм

культурного диалога. Эти способы интерпретации стали предметом изучения таких исследователей, как С. А. Фомич («Библейские мотивы», «Подражания Корану»), М. Ведишенкова («Коранические мотивы в лирике А. С. Пушкина»), С. Шварцбанд («О первом примечании к “Подражанию Корану”»).

История изучения и научное состояние вопроса характеризуются описанием взаимосвязей и взаимодействий литератур в трудах М. П. Алексеева, И. С. Брагинского, В. М. Жирмунского, Н. И. Конрада, И. Г. Неупкоевой. Многогранные исследования проблем взаимодействия литератур способствовали глубокому освещению сложных историко-культурных процессов. В области отношений русской литературы и Востока определенное место занимают работы, посвященные исследованию романтического ориентализма. Значительные успехи достигнуты в изучении ориентальных мотивов в творчестве А. С. Пушкина, других поэтов и прозаиков. Определенный вклад в решение данной проблемы внесли литературоведы при изучении цикла «Подражания Корану» и стихотворения «Пророк» А. С. Пушкина. В сборник «Коран и Библия в творчестве А. С. Пушкина», подготовленный израильскими литературоведами в сотрудничестве с международным коллективом ученых, включены статьи, в которых рассматриваются библейские и коранические мотивы, раскрывается своеобразие цикла «Подражания Корану» [1; 4]. В книге очерков «Пушкин и его современники: Восток и Запад» Л. А. Шейман и Г. У. Соронкулов освещают особенности восточных мотивов, западно-восточный синтез в творчестве А. С. Пушкина [1; 120].

В монографии М. Б. Каменевоy «Исламские мотивы и образы в русской литературе 20–30-х годов XIX века» предпринята попытка воссоздать целостную картину осмысления в русской литературе начала XIX века коранических мотивов и образов [1; 25]. Коран в работе рассматривается не только как уникальный поэтический памятник арабской культуры, но и религиозно-законодательный, в котором отражен процесс утверждения новой религии, социально-правовые и этико-культурные нормы.

Представление о том, что Коран нельзя исследовать исключительно с позиции литературного текста, не подлежит сомнению. Поэтому изучение аутентичности перевода священной книги (в нашем случае – на русский язык) предполагает расширение исследовательского спектра, ориентированного на сложившийся в науке стандартный европейский подход – составление разворота текста с предисловием, кульминацией, развязкой, эпиграфом и т. д. В этом отношении интересны переводы, сохраняющие актуальность в силу сочетания в них академической интерпретации смыслов Корана и цели популяризации его не только в среде верующих, но и интересующихся вопросами ислама.

Особый этап в истории перевода Корана занимают опыты толкования И. Ю. Крачковским (1930) и М. Б. Пиотровским (1991). «Ислам нельзя понимать без Корана, но его далеко не достаточно для полного понимания ислама в историческом развитии», – писал И. Ю. Крачковский [2; 66].

Подход И. Ю. Крачковского к Корану – это подход филологический в широком смысле слова. Его интересовал Коран в первую очередь как памятник арабской устной литературы, созданный в определённой среде в определённую эпоху с использованием приёмов словесного искусства, привычных в этой среде. Такой подход к переводу предполагает при истолковании текста Корана обращение

к тексту первоисточника и его широкому контексту – языку, художественному творчеству и ораторскому искусству Аравии VII века, к религиозным верованиям, идеологическим исканиям, социальной психологии тогдашних жителей оседлых центров Аравии. Крачковский отказывается от традиционных толкований средневековых комментаторов, поскольку они отражают более позднее понимание текста Корана. Он же ставит перед собой задачу воспроизвести памятник в том виде, в каком он предстал первым его слушателям.

В течение десяти лет М. Б. Пиотровский занимался специальными исследованиями коранических сказаний. Результаты его изысканий апробировались в докладах на конференциях и семинарах арабистов и исламоведов. Книга Пиотровского «Коранические сказания» предназначена для широкого читателя. Впервые на русском языке автор перевода предложил новый подход ко всему комплексу сказаний. Они рассматриваются, в первую очередь, с точки зрения их места в коранической проповеди и их связи с аравийской культурной средой. Книга адресована и широкому кругу читателей, и специалистам. Она обсуждалась и была одобрена группой исламоведения и сектором Ближнего Востока Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР [3; 4].

Вопросам типичных ошибок при переводе Корана посвящена работа Мохаммади Мохаммад-Реза, Ахмади Мирейла, Хади Бахарлу, Джавад Акбари [4].

Вопрос о близости перевода к первоисточнику интересен и возможностью построения личного духовного и культурного «маршрута» переводчика-интерпретатора, для которого толкование Корана стало опытом создания популярной версии Корана. Таков опыт толкования и переложения Корана Ийман Валерией Пороховой – «Перевод смыслов и комментарии В. Пороховой» [5]. Известно, что принятие ислама и нового имени автором перевода было неотделимо для нее от потребности воспроизведения основных смыслов священной книги.

Книга выдержала 12 изданий и вызвала неоднозначные оценки со стороны ученых. При этом труд Пороховой был подвергнут обстоятельной экспертизе со стороны муфтиев, так как перевод священного текста всех мусульман требует точности: со стороны переводчика не должно быть искажений либо замены установлений мнением переводчика.

«Глубину и разнообразие образов нельзя передать в переводе – ни по интонации, ни по смыслу. Тем не менее, их ценность ощущают даже те, кто не знаком с арабским языком, – при одном лишь прослушивании записей чтения Корана» [6; 80].

Сопоставительному анализу двух переводов с арабского языка на русский отрывка, составляемого из десяти стихов второй суры «Корова» благородного Корана (первый вариант данного перевода осуществлен арабистом И. Ю. Крачковским, а второй – арабисткой В. Пороховой), посвящена работа «Лингвистический анализ двух вариантов перевода смыслов отрывка Корана как религиозного текста с арабского языка на русский» [7].

Известно, что содержание Слова Всевышнего не может быть передано во всей полноте ни на каком языке, как оно не может быть понято в полном объёме и на арабском языке арабами, носителями языка, ибо Слово Бога несёт в себе неизмеримо больше содержания, чем доступно разуму человека. Доступное же понимание достигается благодаря изучению тафсира (развёрнутого толкования) классиков исламской мысли.

Любой перевод интересен обстоятельствами вхождения в культуру языка перевода. Какие факторы обеспечили успех переводу и его бытование в широкой среде? Продолжает ли данный перевод историю русского ориентализма? В качестве попытки ответа на данный вопрос в данной статье рассмотрена сура «Женщины».

Стиль Корана, не похожий ни на Ветхий, ни на Новый Завет, обладает структурой образности, апеллирующей к синтезу в одной суре разных ритмических моделей. Отсюда неожиданные периоды смены первого лица третьим, резкие повороты в развитии темы, повторы и аллюзии на будущее развитие новых тем.

Достоинством перевода В. Пороховой является то, что она сумела переложить суры из Священного писания в ритмичные строки. Основная особенность перевода заключается в стремлении передать ритмико-интонационные особенности Корана.

Вместе с тем следует помнить, что отрывки, заключающие в себе завершённую мысль, часто рифмуются, однако строфическая организация не соответствует арабской поэтической метрике. Это и не поэзия, и не проза.

Осуществлённый одним из авторов настоящей статьи анализ ритмической структуры 11 аятов суры «Женщины» [8; 50–53] показал: визуально это образ своего рода плетения, с чередующейся длинной и короткой строфами, ритмическими повторами, что создает медитативную интонацию, речевые отрезки располагают к размышлению. Вместе с тем семантические (добро, сироты, девушки, жены) и ритмические повторы являют каждый раз расширение одинажды заданного смысла и расширяют не только семантическое поле. Компрессия (сжатие строф) акцентирует внимание читающего на ключевых понятиях каждого аята.

Пороховское: «О люди! Благоговейте пред Аллахом, / Кто сотворил вас из одной души / И от нее же сотворил ей пару» – вызывает ассоциации с библейской ветхозаветной версией о сотворении мира и выстроено в традициях молитвословного стиля.

Сравним с толкованием Ас-Саади: «Аллах повелевает Своим рабам быть богобоязненными, т. е. поклоняться Ему Единому, нет у Него сотоварища. Он также оповестил их о том, что Он сотворил их из одного человека – Адама (мир ему). Сотворил из него пару ему – т. е. Хаву (мир ей). Она была сотворена из левого ребра спины Адама во время его сна. Когда он проснулся и увидел её, он был восхищён ею. Он привязался к ней, и она привязалась к нему» [9; 52].

Повтор слов «Благоговейте пред Аллахом» при сохранении смысла толкования в начале аята: проповедь и объяснение богобоязненности – сопровождается предупреждением: «Поистине, Аллах над вами страж!» Здесь очевидно смещение негативной коннотации стража как охраняющего смыслом: «все видит, наблюдает», то есть: «Аллах – свидетель всякой вещи!» [58:6] – проявление фикра, феномена ислама о его вездесущем оке, создающем пространство верующего, где всегда есть место воле «стража».

Семантику расширения значений слов, в сравнении с естественным языком, иллюстрирует аят 2. Так, значение слова «добро» в предложениях: «Сиротам отдавайте их добро» и: «Не пожирайте их добро» – показывает употребление

слова «добро» в значении «имущество, которое дано сиротам», нарушение его как проявление греха возвращает слову его истинный смысл – способность к состраданию. Смысл второго аята заключается в том, что у сироты должен быть опекун, потому что повеление отдавать сироте его имущество подразумевает опеку над его имуществом.

Третий аят – о справедливом отношении к женам. Природа справедливости, когда невозможно и невероятно относиться одинаково ко всем женам трактуется в координатах рациональной логики и принимает характер точной формулировки: «Мужья... должны одинаково обеспечивать их, одинаково хорошо одевать их, поочередно навещать их и соблюдать справедливость во всех подобных делах» [9; 52]. У Пороховой, автора русского перевода, понятие справедливости коррелирует с понятием страха, лишённого прямого значения и толкуемого в значении долга верующего, с целью недопущения несправедливости [9; 52].

Толкование четвертого аята связано с откровением, из которого следует толкование брачного дара, устанавливаются границы доброй воли женщины и права опекуна. В представлении переводчика ключевыми становятся понятия «дар, здравие, благодать» [9; 52].

Пятый аят – об этической ответственности опекунов за имущество «безумцев, малолетних детей или неразумных людей» и доверии к ним в силу назначения их высшей силой. Требование переводчика: «Вы из него кормите их и одевайте / И с ними речь благопристойную ведите» – не только является семантически точным воспроизведением откровения, но в одно семиотически наполненное слово «благопристойный» вкладывает смысл этического долженствования опекуна [9; 53].

В шестом аяте понятие «добро» в значении «имущество» связано с понятиями зрелости, здравого смысла. Афористичность русского перевода достигается полисемией, выявляющей не только оттенки значений слова, но и знаки разумения. Характерно постоянное присутствие рациональной логики в проповеди благочестия [9; 53].

В остальных аятах суры нашли отражение и детали семейной экономики ислама, например, порядок наследования. В рассматриваемой суре содержатся так называемые «аяты о наследстве», есть также хадис Абдуллаха б. Аббаса, приведенный в «Ас-Сахихе» имама аль-Бухари. В переводе акцент сделан на этической сущности назиданий, призывах к милосердию и состраданию. Образы сирот, беспомощных и беззащитных близких сопровождаются антинормией зла, мифологических образов пожирающего огня. Передача идеи о разрушительной силе зла, алчности напоминает верующему одно из главных установлений Корана: забота о сироте относится в исламе к наиважнейшим благим поступкам. Рефлексируя в назидательных и нравоописательных коррелятах оттенки слова «сирота», Порохова воспроизводит синтагматическое целое священной книги [5; 90].

Итак, изучение афористической природы перевода Пороховой выявляет разные способы толкования смысла. В суре «Женщины» толкование благих поступков принимает форму апелляции к чувствам верующего (добро и милосердие), разумный подход и здравый смысл проясняют смысл абстрактных понятий, универсальных для любой мировой религии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Каменева М. Б. Исламские мотивы и образы в русской литературе 20-30-х годов XIX века. Бишкек: Изд-во КРСУ, 2014.
2. Крачковский И. Ю. Перевод Корана с расположением сур в порядке их ниспослания Свыше / И. Ю. Крачковский. М.: Мера, 2014.
3. Пиотровский М. Б. Коранические сказания. М.: Наука, 1991.
4. Мохаммади Мохаммад-Реза, Ахмади Мирейла, Хади Бахарлу, Джавад Акбари. Типичные ошибки при выборе подходящих русских эквивалентов частотных исламских терминов в переводах священного Корана // Ислам в 21 веке: Главные направления в исследовании. 2019. № 1.
5. Коран. Перевод смыслов и комментарии В. М. Пороховой. М.: Рипол Классик, 2004.
6. Хешам М. М. Подражания Корану А. Г. Ротчева / Филология и культура. 2014.
7. Мекки Абдуль-Керимь аль-Мавваши. Лингвистический анализ двух вариантов перевода смыслов отрывка Корана как религиозного текста с арабского языка на русский. Перевод Корана на русский язык: история, современное состояние, перспективы развития // Филология и лингвистика. 2015. № 2.
8. Арынгазинова Г. А. Литературно-художественная рефлексия Корана В. Пороховой в русском ориентализме: Способы толкования смыслов: Проблемы поэтики и стиховедения: Материалы VIII Международной научно-теоретической конференции, посвященной 90-летию КазНПУ имени Абая (24–26 мая 2018 г.). Алматы: «Ұлағат», КазНПУ им. Абая, 2018.
9. Кулиев Э. Толкование Священного Корана в 3 томах. Электронный ресурс: [<http://tafsir.ru/tafsir-as-saadi-sura-an-nisa-ayat-1/>] (дата доступа: 25.03.2019 г.)

В октябре 2019 года отмечают:

95-летие

Абдижамил Каримулы НУРПЕЙСОВ, прозаик

80-летие

Алдыхан КАЛДЫБАЕВ, прозаик, драматург
Жумабек КУАНЫШБАЕВ поэт

70-летие

Заманбек АБДЕШЕВ, поэт, переводчик
Жумагали НАУРЫЗБАЙ поэт, переводчик
Зауре СЕРАЛИЕВА, прозаик

60-летие

Коньсбек БОТБАЙ, прозаик
Бакытжан РАЙСОВА, поэт

Редакция журнала «Простор» сердечно поздравляет юбиляров!

